

Майрин Ратман

ПОГРУЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ: САФАРИ

Реалии Дахаба

- Дайвер Маринка, вставай! – Вовка решительно стучал в мою дверь, напоминая мне, что пора просыпаться.

- Да, я уже встала! – откликнулась я, не открывая глаз. Мой будильник сработал минут пятнадцать назад, но я до сих пор покачивалась в волнах густой утренней дремы.

- Быстро подниматься нельзя, - вдруг всплыло в моей голове основное правило погружений, - надо сделать трехминутную остановку безопасности на шести метрах. – И я качалась и

качалась в толще сна, глядя, как поверхность реальности над моей головой отсвечивает жидким металлом. Очертания комнаты в гостинице то становились отчетливее, то снова терялись в голубой дымке моих грез.

В момент, когда я собралась нырнуть поглубже, чтобы рассмотреть косяк полосатых рыбок, я вдруг поняла, что вижу сон.

Слово «сафари» прорезало мой мозг как сигнал горна. Я открыла глаза и села на кровати. В комнате было темно, лишь узкие лучики света пробивались через плотные шторы. На их фоне вокруг меня еще медленно крутилась воронка темно-голубой воды, а в бескрайние дали, постепенно выцветая, уплывал косяк рыб, которых я так и не догнала во сне.

Когда я, надев шорты поверх купальника, чистила зубы, готовясь спуститься на завтрак, взгляд мой упал на раскрытую сумку с вещами. Футболки, юбки и летние блузки так и лежали в ней, не востребованные, уже вторую неделю.

- Надо было брать с собой одни шорты и один сарафан, - с досадой подумала я, - отворачиваясь от битком набитого шмотками спортивного баула к мутному зеркалу с ободранной по краям амальгамой. – Тогда хватило бы места и для гидрокостюма с ластами. А теперь я не знаю, куда их паковать, когда будем собираться в Москву.

Кучу пластиковых флакончиков с солнцезащитными средствами я тоже взяла с собой напрасно. В те редкие моменты, когда я выходила на солнце, мое тело надежно прикрывал гидрокостюм. Лицо же мазать кремом было нежелательно. От испарений косметических средств маска начинала потеть под водой.

Конечно, никакой смертельной опасности запотевшая маска не представляла. Нужно было просто периодически напускать в нее немножко морской воды, промывать стекло и, энергично фыркнув носом, очищать. Так легко снимать маску под водой или просто заливать ее полностью, как мне хотелось, не получалось. Морская вода по-прежнему нещадно щипала мне глаза, и привыкнуть к этому ощущению, перестав на нем концентрироваться, я до сих пор не могла. Поэтому я проявляла чудеса изворотливости, чтобы налив под линзу немного воды, прополоскать ее, оставляя глаза сухими.

Однако это добавляло еще одну обязательную операцию в момент спуска под воду, к уже существующим необходимым продуть уши, следить за показаниями компьютера и подкачивать жилет. Опытные дайверы, конечно, делали все это, не напрягаясь. Я же в такие моменты напоминала себе эдакого «человека-оркестр», что невыносимо раздражало меня неуместной под водой хлопотливой суетливостью. В то время как мне каждый раз хотелось переходить в подводное царство медленно, плавно и торжественно.

Желающих ехать на сафари набралось семь человек, вместе с Виталием – восемь. Мы заказали яхту, собрали баллоны и снаряжение и, приехав в порт на таких древних джипах, какие можно увидеть только в Синайской пустыне, загрузились на борт корабля.

- Как называется место, куда мы едем? – поинтересовалась я.

- Габр Эль Бинт – могила девушки. Очень красивый коралловый риф, почти как на Айлендз, только больше, – ответил Виталий.

На Айлендз я не была, поэтому ничего представить себе не смогла.

- А почему «могила девушки»? – спросил Игорь. – Что с ней случилось?

- Понятия не имею, – пожал плечами Виталий.

- Замуж не выдали за любимого. Или выдали, но не за того. А может, выдали, но он оказался не таким любимым. Какие еще у девушек могут быть проблемы? – ехидно захрюкала я.

- И от отчаяния бросилась она со скалы в открытое море. И морская пучина поглотила ее в тот же миг, – продолжил Вовчик.

Оставив позади Дахаб, мы плыли на яхте вдоль берега мимо красноватых складчатых Синайских гор. На противоположной стороне залива Акаба в нежно-розовой утренней дымке высились точно такие же горы.

- Здесь одно из самых узких мест в заливе – двадцать пять километров. В Дахабе есть развалины старой крепости. В древности здесь был большой портовый город, а на той стороне точно такой же у саудов. И к этим городам по горным дорогам из глубины континентов шли бесконечные караваны верблюдов. Так что, можно сказать, здесь был мост между Африкой и Азией. – Рассказывал Виталий, пока яхта шла вдоль берега к назначенному для нашего погружения месту.

- Ты хочешь сказать, что вот та полоска гор, это и есть Саудовская Аравия? – уточнила я.

- Да. У тех берегов тоже очень красивые рифы, но сауды закрыли границы и никого туда не пускают. У них все есть, им не нужен туризм. В Египте-то после революции шейхи, которые владеют Синаем, собрались и решили, что туристов никакие внутренние проблемы страны не должны касаться. Это же исторически территория бедуинов, и здесь всем рулят бедуинские шейхи. Я много раз видел, что во дворе стоит джип-лендровер, на дереве прикреплен тарелка спутникового телевидения, а живут они все равно в хижинах из кольев, покрытых пальмовыми листьями. Им так нравится.

- Такая острая пища, которую они здесь готовят, оправдана на здешней жаре. Всех паразитов из человеческого организма, которым бы процветать в местных условиях, выжигает напрочь. – Сообщила я, с удовольствием вспоминая дивную толстую котлетку, в фарш которой было намешано немало разных местных специй.

Я регулярно заказывала «Cheese and egg burger» в ресторанчике на нашей территории. Арабские парни, взяв заказ, тут же начинали жарить маленькую яичницу из одного яйца и ту волшебную котлетку, мясо которой таяло во рту, надолго оставляя после себя жаркий привкус восточных трав.

- Они поэтому и свинину не едят. Говядина и баранина в здешнем климате не портится очень долго. Висит себе туша и вялится потихоньку. А в свинине, буквально, через час заводятся черви. Арабы не понимают европейцев, которые едят свинину. Многие искренне считают, что у тех в животе живут червяки, – развивал Виталий исторически-пищевую тему.

Я мысленно повеселилась над европейцами, ужасающимися антисанитарностью условий жизни в пустыне. Ходят себе белые холеные тела, с брезгливым сочувствием рассматривают толпы худых и чумазных местных мальчишек, возящихся по помойкам вместе с козами, собаками и кошками. И знать себе не знают, что черные оливковые глаза

арабской поросли с тем же брезгливым отвращением рассматривают белые тела, полные червей.

В «нашем» ресторанчике любил бродить подросший беспородный котенок. Узкое, как ладонь, тело, вытянутая, наподобие египетских изваяний мордочка, и огромные зеленые глаза, постоянно подернутые какой-то загадочной пеленой.

Котенок, никого не боясь, лазал по диванам и выпрашивал куски еды с тарелки, а в случае опасности мгновенно прыгал на пальму, которая росла посередине зала, и тут же скрывался на крыше заведения.

Ел он все подряд, даже бутерброды с маслом и картошку с кетчупом. За бездонные глазищи с поволокой, казавшиеся слишком большими для его вытянутой мордочки, мы прозвали его кот-Азот.

За неделю до нашего приезда рыжая сука с неожиданно европейским именем Молли, прикормленная у этого же ресторана, принесла одиннадцать щенков. Маленькие увальни, едва научившись ходить, разбредались по территории дайв-центра, попадаясь в самых неожиданных местах.

Однажды за завтраком отчаянный визг чуть не заставил меня выронить тарелку. Один из отпрысков Молли забрался в диванную спинку, где недавно окотилась кошка – любимица пожилого араба, хозяина гостиницы и ресторана. Тигрица яростно защищала свое гнездо, а незадачливый щенок не знал, как выбраться из этого кошмара. Страдальца срочно достали, убаюкали на руках, диван закрыли, кошка успокоилась, перестав утробно рычать. А как-то вечером, когда мы втроем полулежали вокруг низкого восточного столика и беседовали «за жизнь», к нам присоединился огромный таракан. Сначала он пытался исследовать мою холщовую сумку, потом изучил мои босоножки, стоящие рядом с пальмой, а потом мирно улегся на свободном диване, поджав все свои лапки. И лежал так все время, что мы разговаривали. Уходя, я не стала его будить, поэтому не знаю, может быть, он спал там до самого утра.

Вовчик оказался прав, я привыкла к отсутствию пятизвездочного комфорта очень быстро. Тем более что реальные потребности организма удовлетворялись полностью. Кровать была мягкой, еда вкусной, туалет, душ и кондиционер работали исправно.

Чтобы усладить себя вечерним нескафе с ирландским ликером во время лирических вечерних посиделок на балконе, я купила в супермаркете электрический чайник. Начав испытывать свое приобретение, я обнаружила, что автомат, отключающий нагрев по достижении водой нужной температуры, не работает. Чайник щелкал, сигнализируя, что вода вскипела, но продолжал работать.

Сначала я с досадой принялась искать чек, чтобы вернуть бракованный товар в магазин, а потом поняла, что это – бесполезно. Новый чайник будет вести себя точно так же, если не хуже. Поэтому я просто привыкла, услышав щелчок, выдергивать вилку из розетки. Пакет с растворимым кофе, пачку сахарных кубиков и молочный ликер я благоразумно привезла из Москвы и оказалась права. Алкоголь в Египте исключительно дерьмовый, а ирландский ликер даже в виде подделки днем с огнем не найти.

Как-то раз, взбудораженная дневными впечатлениями, я долго не могла заснуть. Растянувшись наискосок огромной кровати, я лежала и слушала бархатную тишину восточной ночи. Время давно перевалило за полночь, луна, поднявшись над морем, побелела и ушла в сторону гор. Спала пустыня, спал залив, спали набережные и рестораны, спал ветер и пальмы.

- О, Алла-а-а-а-а! – вдруг запел муэдзин свой протяжный призыв. И тут завyli собаки. Сначала одна стая совсем рядом с нашей гостиницей, потом другая, чуть подальше, потом еще и еще. Да простят меня правоверные мусульмане, считающие собак нечистыми

животными, но той ночью дуэт человека и природы, обращенный к Всевышнему, казался мне смешным и завораживающим одновременно. Собаки не знали о своей порочности и неугодности Аллаху и самозабвенно завывали, подпевая молитве. Что-то было общее в том вдохновении на грани экстаза, явно звучащем и в баритоне муэдзина, и в голосах четвероногих. Каждым сантиметром кожи и каждой крошечной волосинкой на теле я чувствовала сладкую дрожь прикосновения Тайны.

Если вы думаете, что мы жили в какой-то трущобе, то вы ошибаетесь. Когда месяц Рамадан, требующий жесткого поста в течение светового дня, закончился, я несколько раз видела, как в «наш» ресторан приходили местные жители со всей своей многочисленной семьей. И по тому почтению, с которым работники ресторана обслуживали гостей, я понимаю, что это – не последние люди в городе. Просто в Дахабе живут вот так.

Для придирчивых европейцев, привыкших к пластиковому существованию, и пафосных русских есть резервации с белым мрамором и плавательными бассейнами, но в Дахаб едут не за этим, а за невероятным морем и атмосферой жизни, как она есть, без привычной стерилизованной лакировки, которую мы привыкли считать комфортом.

Шаг в пустоту

- Нам идти до места еще минут пятнадцать, поэтому я рекомендую Марине начать одеваться прямо сейчас, - скомандовал Виталий.

Что правда, то правда. Одевалась я медленно, потому что тугой гидрокостюм было трудно натянуть на себя. Парни сразу научили меня сначала надевать на ступню полиэтиленовый плотный пакет и только потом засовывать ногу в штанину. Это помогало, но дальше нужно было еще

тщательными щипками подогнать неподатливый неопрен так, чтобы резиновая нашлепка оказалась точно на коленке.

Погружения не стали мне еще так привычны, как вождение машины, когда я могла, продолжая думать о своем, выруливать из узкого московского дворика на автопилоте, сформированном годами ежедневной практики. Вход в море требовал вдумчивого сосредоточения, и мне постоянно требовалось время, чтобы отогнать другие мысли и всеми силами сконцентрироваться на том что я делаю. Облачение в гидрокостюм как нельзя лучше подходило под эту задачу.

Я всегда старалась начать одеваться пораньше, но все равно всегда оказывалась последней. Видя, что я вожусь с гидрокостюмом, все остальные тоже начинали собираться, и когда я, встав в полный рост, застегивала последнюю молнию, то выяснялось, что все уже готовы. В то время как мне нужно было еще надеть боты, перчатки, компьютер, полоску на голову, поплевать в маску и вытянуть пяточные ремни на ластах, чтобы в воде хватило одного движения для превращения ласты в продолжение ступни. Желаемая мне почти молитвенная концентрация сбивалась нервной спешкой.

Вот и сейчас, яростно натирая маску большим пальцем, я бросала недобрые взгляды на нашу группу, уже полностью готовую к погружению. Яхта стояла на якоре над рифом, плавно покачиваясь из стороны в сторону.

- В воду входим гигантским шагом. Рукой придерживаем маску и регулятор и, глядя в горизонт, делаем большой шаг вперед. – Виталий сомнительно покосился на меня.

- Я умею входить в воду гигантским шагом, - ответила я равнодушно. Олег еще в бассейне научил меня не бояться просто широко шагнуть с края бортика с тем чтобы, коснувшись ластами поверхности, тут же свести ноги обратно. По инерции я уходила под воду с

головой, но очень быстро сообразила, что если не дергаться, то вода в считанные секунды вытолкнет меня обратно.

Смысл этого метода заключался в том, чтобы основной удар при соприкосновении с водой, взяли на себя ласты и ноги дайвера, предохранив от повреждения хрупкую аппаратуру в районе головы.

Надев ласты, я подошла к краю на корме корабля.

– М-да, страшновато... ничего не скажешь... - думала я, держась за перила.

- Смотри в горизонт, - напомнил Виталий, стоящий рядом.

Оторвать взгляд от воды и шагнуть в пустоту, не глядя, оказалось сложно, но я знала, что нужно сделать именно так, чтобы не разбить маску или регулятор. Судорожно втягивая воздух из баллона, тут же высушивший мне гортань, я, выпучив глаза на береговые горы, сделала шаг в пропасть.

Вода, подставив мне сложенные чашечкой ладони, тут же бережно вытолкнула обратно на поверхность. Обрадовавшись, что все получилось, я отплыла подальше, чтобы не мешать другим, и показала знак о'кей пальцами.

- Когда ты ныряешь с корабля, то о'кей нужно показывать вот так. – Виталий поднес кисть одной руки к макушке, замыкая большое кольцо. – Или вот так, - он скруглил над головой обе руки, сомкнув ладони. – С корабля твои пальцы никто не увидит.

Есть, кэп! – мысленно сыронизировала я. На самом деле, даже когда два дайвера плывут рядом друг с другом, то рассмотреть знаки пальцев, одетых в черные перчатки на фоне черного гидрокостюма тоже очень сложно. По странной закономерности дайверские гидрокостюмы не делают разноцветными. Только черными с небольшими цветными вставками по бокам, независимо от того женская это модель или мужская.

Я хотела купить себе кислотно-желтые перчатки, чтобы мои руки всегда было видно. Но желтых моего размера не оказалось, поэтому пришлось взять блондиночно-розовые. Впрочем, это тоже годилось.

Восемь метров синевы между дном яхты и дном моря давали ощущение безопасной свободы движения, напоминая о незабываемом переживании, испытанном мною несколько дней назад.

Мы ныряли вчетвером на Машрабе, нашем «домашнем рифе», где простирались травяные пастбища и красовались абстрактные скульптуры в виде ослика и «человеко-стула». Перебравшись через небольшой подводный хребет, я оказалась высоко над подводной лагуной и похолодела от неожиданного кольнувшего меня страха высоты.

Песчаное дно с крупными шишками кораллов светилось метрах в десяти подо мною в идеально прозрачной воде, создавая иллюзию полета над земным садиком или детской площадкой на высоте четвертого этажа. Феерическое счастье свободного парения, возможного только во сне, перемешивалось во мне с иррациональной боязнью падения. Я то стремилась опуститься поближе к земле, уменьшая высоту полета, то снова поднималась повыше, гоня приятные мурашки по всем мышцам тела, пока Виталий не подал мне знак держаться одного с ним уровня.

Мои игры с водой и высотой вряд ли продолжались больше двух минут, но воспоминания об остроте пережитого восторга сохранились надолго. Сидя вечерами на балконе и разглядывая сделанные фотографии, я раз за разом воскрешала в себе пережитые мгновения, стараясь растянуть их в бесконечность.

Болтаясь в синеве между дном яхты и дном моря и ожидая, пока все остальные опустятся с поверхности, я надеялась испытать не менее яркие чувства. Вода давала не просто имитацию полета в замедленной съемке, а внутреннее переживание парения в

замедленных ощущениях, когда можно прочувствовать и распробовать каждую секунду, каждый оттенок испытываемого наслаждения.

Под водой мы разделились на группы по четыре человека, чтобы не мешать друг другу, и с небольшим интервалом пошли по заранее оговоренному маршруту.

По сути, мы должны были описать у рифа большое вертикальное кольцо, сначала осмотрев глубоководную часть, где жили коричневые кораллы, похожие то ли на диски, то ли на очень широкие воронки. А потом, поднявшись ближе к поверхности, увидеть риф с плоской его стороны, той, что была параллельна горизонту.

Я плыла, не глядя на компьютер, уже зная, что с каждым движением медленно опускаюсь все ниже и ниже. Ставший привычным звон в ушах подтверждал мои предположения и напоминал о том, что надо, зажав нос, хрюкнуть, чтобы выпрямить прогнувшиеся внутрь от давления воды барабанные перепонки.

Но, увы, рано я решила, что ситуация контролируема. Скорость моего падения оказалась больше, чем я предполагала, и в один прекрасный момент я поняла, что боль в ушах не пропустит меня дальше, и надо подниматься, чтобы начать все почти с самого начала.

С досадой я встала вертикально и активно зашевелила ластами. Компьютер запищал, предупреждая, что скорость моего всплытия опасно велика. В довершении неприятностей вдруг запотела маска, до того не доставлявшая никаких проблем. Товарищи мои уже плыли не оборачиваясь, и мне некому было подать знак, что я вынуждена сделать паузу.

И я опять получу от Виталия по шее за то, что не предупредила напарника, - думала я, замедляя подъем, - и если я скажу, что он даже не обернулся, чтобы посмотреть, как у меня дела, то тогда мне будет по шее за то, что я плыву вне поля его зрения. Как ни крути, а огребу я в любом случае, так что можно расслабиться и заняться своими делами.

Уши продулись, маска вдруг перестала потеть, оставив мне для обзора лишь середину стекла. Видимость была нормальной, и я решила, что не буду заливать ее водой и выполаскивать специально. Тщательно сверяясь с компьютером, я усиленно гребла в сторону, куда ушли мои друзья, надеясь незаметно упасть на них сверху, будто я с самого начала там и была.

Я не знаю, заметил ли Виталий мой маневр, но догнала я группу быстро. Видимо, нервничала я сильно, потому что азотный наркоз лишь подогрел мне ноги, не оказав сильного влияния на восприятие реальности.

Риф удивительно напоминал наземные горы, только в уменьшенной копии. Такие же скалы, поросшие кораллами, такие же ущелья, по которым сбегали реки песка. Только в отличие от земных гор, я могла подобно большой черной стрекозе подбираться к любой извилине и рассматривать ее с того ракурса, с которого мне было интересно.

По одной из узких песчаных речек мы поднялись на плоскую сторону рифа. Первая часть нашей группы ушла на маршрут чуть раньше нас, и теперь я могла с интересом наблюдать как одна из участниц, выбрав песчаную полянку между крупными кустами кораллов, сдавала навигацию по компасу. Вытянув вперед левую руку и уперев в нее согнутую в локте правую, на которой располагался прибор, девушка, не глядя по сторонам, выписывала под водой четкие треугольники и прямоугольники.

Я вспомнила про необходимость сдачи экзамена на квалификацию Advance Open Water – продвинутая открытая вода. Не буду сдавать в этот раз, - подумала я, с облегчением. – Какой из меня advance, если я веду себя под водой, как ребенок, едва научившийся ходить. Ему все интересно, ему все удивительно, он хватается руками за цветочки и собачьи какашки с одинаковым энтузиазмом, но... увлеченный изучением нового мира, тут же спотыкается о любой ком земли.

Меня воспитали люди, панически боящиеся жизни. Предпочитающие в восемь вечера запирается на четыре висячих замка в душном панельном помещении размером со спичечный коробок. Привыкшие видеть в домашних животных лишь глистов и клочья шерсти и обдавать крутым кипятком все фрукты и овощи. Истово заботящиеся о правильном питании и неукоснительном соблюдении режима дня и глотающие горсти таблеток при первых признаках физического недомогания.

А также неукоснительно пекущиеся о том, чтобы я получала в школе исключительно пятерки с четверками, и подозревающие меня в скрытых психических заболеваниях при любых попытках воспротивиться неестественности подобного существования. Несмотря на все старания, мир все равно оставался для них враждебным: и микробы, и ангелы были одинаково вредны и требовали дезинфекции, а люди представлялись непонятными и опасными чужаками.

Когда подобная жизнь стала мне невыносима, я сбежала от горячо любящих меня родственников, но годами выстилизованная душа не могла восстановиться до своей первозданной чистоты в один день. И мне до сих пор приходится бороться с кошмарами, вольготно продолжающими квартировать в моем внутреннем пространстве.

Моменты, когда мне удастся выполоть очередной ядовитый сорняк, прогнать восвояси очередного клацающего зубами монстра и заново пережить состояние ребенка, с восторгом изучающего муравья, бутерброд, зажигалку и собственную пятку, дороги моему сердцу. Пусть мое подводное детство длится подольше, а Advance, Nitrox и спарка подождут того часа, когда мне захочется повзрослеть.

Сад Шахерезады

- Сейчас пойдем вдоль рифа на глубине метров восемнадцать-двадцать. Когда будем обходить его край, то придется плыть против течения. Если течение очень сильное, то поворачиваем назад, а если нет, то, зайдя за край, уходим в лагуну, что повыше. Если будет очень тяжело, то держитесь ближе к рифу. У стен течение, обычно, слабее, – привычно инструктировал Виталий, когда мы, обсохнув после первого погружения, вождельно ждали второго.

- Хоть бы мне раз повезло поплавать в попутном течении, а? – посетовала я, – а то вечно приходится бороться.

- В попутном течении плыть тоже непросто. Чуть притормозил, чтобы какой-нибудь заковыристый коралл посмотреть, и... все. Товарищей твоих уже унесло далеко, – засмеялся Виталий.

На этот раз я уходила в глубину так, как хотела. Медленно и легко, обжимаемая водой, я соскальзывала с держащих меня невидимых сильных ладоней только для того, чтобы через секунду они снова бережно подхватили меня, удерживая над зеленоватой бездной.

Копировать движения Виталия, наверное, просто бесполезно, – думала я, как обычно, пристроившись за его лапами. – У него другое тело, другой баланс, другой характер. Мне надо найти свое движение под водой, такое, которое будет естественным только для меня. С этими мыслями я наконец-то заняла место параллельно и чуть ниже своего напарника, с тем, чтобы ему было меня видно, не поворачивая головы.

Некоторое время я просто наслаждалась водой, а потом вдруг божественная легкость ушла. Почему-то плыть стало тяжело и неудобно. Заметив, что рыбы отчаянно машут плавниками, чтобы удержаться на месте, я догадалась, что мы вышли в зону течения.

Те три минуты, что мы плыли во встречном течении, показались мне вечностью. Прижиматься к стенке, как советовал Виталий, я боялась, потому что течение угрожало не просто насадить меня, подобно бабочке, на отростки кораллов, но еще и протащить по ним вверх. Ничего гениальнее, чем оставить между собой и рифом Виталия, мне не пришлось в голову.

Он умеет с такими штуками справляться, он удержится, - думала я, совершая свой коварный маневр, - а если меня потащит на риф, то я сначала упрусь в его бок.

Возможно, я совершила техническую ошибку, подставив себя под более сильный поток воды. Но, видя между собой и стенкой спокойно плывшего Виталия, я не боялась попасть на терку, а большего мне не было нужно.

Если Виталий не дает сигнал поворачивать назад, как мы уговорились на корабле, значит, это течение не слишком сильное, - успокаивала я себя, тяжело дыша больше от страха, чем от физической нагрузки, - но хотелось бы уже куда-нибудь свернуть, а то ни кайфу, ни лайфу от такого плавания нет. Я ничего толком не успеваю рассмотреть, не знаю, долго ли еще идти, и ужасно боюсь выбиться из сил раньше времени.

Наконец впереди показалась цель нашего путешествия – огромные вертикально стоящие веера редких кораллов. Горгонарии живут только в течении, которое пронесет сквозь кружево скелета планктон и прочую питательную живность. Виталий заплыл за барьер, образованный разросшимися веерами, и принялся фотографировать. Я понимала, что с той стороны чудо морское выглядит намного лучше, но самой заплывать за кружевной заборчик, было слабо. Пришлось бы усиленно держаться на месте спиной вперед, чтобы течение не впечатало меня в морские заросли, а я не была уверена в своих силах.

В Москве наш с Вовчиком общий друг рассказывал, как ныряет его знакомая, живущая в Шарм-Эль-Шейхе.

- Ты понимаешь, у человека совершенно уникальный взгляд на мир! – восхищался Митя, показывая мне фотографии, сделанные его подругой. – Она может полчаса висеть около одного подводного куста, дожидаясь, пока все население колонии не привыкнет к ее присутствию. Тогда они вылезают и продолжают свою обычную жизнь, а человеку просто в кайф замереть неподвижно и смотреть на это.

Я прекрасно понимала, что увлекло подругу Мити. Умей я плавать достаточно хорошо, я бы и сама притаилась над одним крошечным мирком на «домашнем рифе». На бетонной раме размером не больше метра по длинной стороне, которую кто-то бросил на донный песок, начали расти кораллы. Следом за кораллами пришли рыбы. Пара морских ежей решила, что в ямке под бетонным дном, уже прикрытом разноцветными пучочками будущих зарослей, удобно сыграть свадьбу и завести детей. Малюсенькая крылатка, не больше детской ладони величиной, уютно устроилась на дневной отдых в тени, отбрасываемой прямоугольными стенами.

Миниатюрный раек жил и дышал, медленно разрастаясь, среди пустынного песка и заливных лугов. И за бытием этой трогательной мини вселенной, я была бы готова наблюдать долго.

Лагуна, куда мы забрались, уйдя от беспокойной водной магистрали внешней стенки Габр Эль Бинта, оказалась райским садом. Клумбы разноцветных кораллов, в недостижимом человеческому разуму гармоничном беспорядке сидящие в песке, казались произведением искусства. Нежно-розовые, нежно-сиреневые, нежно-голубые, нежно-зеленые, нежно-лимонные: они сплетались разнообразием своих форм в единое целое. Каждую куртину можно было рассматривать часами, медленно обходя по кругу.

Мириады крошечных рыбок вертелись над похожим на цветок астры кустом, мгновенно исчезая в соцветии, почуяв опасность. Но стоило перестать шевелиться, как они так же мгновенно появлялись снова, с тем чтобы от малейшего движения воды снова исчезнуть.

Рыбы покрупнее, с контрастными вертикальными полосками на боках, резкими зигзагами пересекали пространство между коралловыми клумбами, догоняя друг друга. И их было много, очень много. Если бы речь шла о земном садике, я написала бы, что все вокруг пело и щебетало в упоении жизнью, но подводный мир безмолвен, поэтому вся живность резвилась под психоделический шорох моего дыхания и легкий звон в ушах.

Вальяжно шевеля плавниками, из-за поворота вынесла свое тело с черной бархатной маской поперек темных выпученных глаз рыба-фугу. Почему-то мне захотелось взять ее в руки и погладить.

Несколько лет назад я была на экскурсии в «арабской Венеции» - Эль Гуне, где нам в аквариумах показывали рыб, живущих в Красном море. Про рыбу-фугу говорили, что она съедобна, но готовить ее сложно, потому что при определенных условиях мясо становится ядовитым.

Еще рассказали, что в Японии эту рыбу готовят определенным образом, так, что съевший ее, либо погибает, либо в течение некоторого времени испытывает неземное блаженство. Когда я слушала этот рассказ, то острота переживаемых такими камикадзе ощущений, захватила меня колким адреналином.

Теперь же, находясь в подводном саду из сказок «Тысяча и одной ночи», подобные игры казались мне уделом людей бесчувственных и в чем-то ущербных. А пухлый пучеглазый ниндзя с бархатной маской поперек головы плыл, все так же вальяжно шевеля плавниками, и не обращал никакого внимания на огромную темную тень, нависшую над ним.

Когда мы вернулись на корабль, то я долго не могла успокоиться. Я сидела со своей тарелкой с обедом на корме и вспоминала маленький подводный садик.

- В такие минуты, - обратилась я к Виталию, - у меня в голове возникает только одна мысль: «Благодарю тебя, Боже, за ту красоту, что ты создал!», хотя я далеко не религиозный человек. Я не пустила там слезу восторга только потому что опасалась, что маска начнет потеть. Хотя очень хотелось.

- Да, меня тоже до сих пор пробирает. Хотя я здесь уже семь лет, – задумчиво ответил Виталий.

Мы замолчали, глядя на красные Синайские горы и глубокую синеву за бортом яхты, в которой прятался от глаз людей крошечный райский уголок.

Подводный дворец

- А нигде нет места, где под водой какой-нибудь дворец можно посмотреть? – вдруг спросила я Виталия, хотя разговор шел о затонувших кораблях.

- Дворец? – удивленно переспросил инструктор.

- Мне иногда снится сон, что я хожу по мраморному дворцу, я такие в Греции видела, - начала я объяснять свою мысль. – От центрального входа ступеньки вниз прямо к морю... Не просто выходят, а продолжают под водой, и там под водой

другая часть дворца. И я туда плыву... проплываю между светлыми колоннами из залы и зал. Крыши в подводной части нет, лучи солнца прорезают зеленоватую воду... Нет нигде такого дворца?

- Нет, - заулыбался Виталий. – Чтобы ты посмотрела такой дворец, надо город Петра затопить. Но, боюсь, в ближайшее время такого не случится.

Я чуть не сказала «жаль», но вовремя спохватилась. Странное очарование сна долго звенело в моей душе, заставляя сомневаться в собственном благополучии и желать чего-то смутного и непонятного каждый раз, когда я о нем вспоминала.

- А что у нас будет на третьем дайве? – спросил Игорь, вернув меня с небес на землю.

- На третьем дайве мы подойдем к одному рифу, он называется Аль Шааб, спустимся под воду и пойдем по течению по направлению к Дахабу. Когда у нас будет заканчиваться воздух, то мы выпустим сигнальный буй, и корабль нас подберет.

Вовчик очень хотел собрать как-нибудь компанию из нескольких человек и поехать на настоящее сафари. Когда неделю или даже две все живут только на корабле. И ныряют, ныряют, ныряют без остановки. Они с Игорем потихоньку тренировались для такой поездки, терпеливо отрабатывали технику глубоководных погружений, учились пользоваться дополнительным баллоном и запускать сигнальные буи. Так что на этот счет можно было не волноваться. Главное – добраться до яхты и вытащить себя с аквалангом по алюминиевой лесенке на палубу.

- И как мы заберемся на дрейфующий корабль? – тут же напряглась я.

- По обстоятельствам. Либо лодку спустят, либо нам веревку кинут, держась за которую, мы сможем доплыть по поверхности до корабля. Яхта в любом случае близко к рифу подойти не сможет, поэтому нам придется уходить в море.

Я не стала дожидаться, пока мне напомнят о том, что я – копуша. Едва завидя место, где мы должны были погружаться, не дотерпев до остановки винта яхты, я тихо пошла одеваться.

Три дайва в день для меня пока многовато, - ныла я сама себе, возясь со штанинами гидрокостюма, - опять крыша рухнет, но пропустить дрейф по течению я не могу. И баста! Залягу в номере и буду разбираться со своими впечатлениями, иначе скомкается все, потом будет не вспомнить, где и что было.

Мы опустились в небольшую коралловую долину, полную интересных полянок. Если моей мечте о подводном дворце и было суждено сбыться, но, наверное, вот так.

Одна полянка сменялась другой, как один зал дворца следующим. И на каждой было что-то такое особенное, что хотелось рассматривать. Где-то коралл напоминал огромный кочан цветной капусты метра три в диаметре, и я со вкусом обходила его по кругу. Где-то скалы и кораллы образовывали некое подобие колонн или отдельно стоящих арок.

Пока «коллеги» по погружению из другой группы судорожно барахтали ластами, чтобы справиться с легким течением, я, сумев вписаться в движение струй, переворачивалась вниз головой, чтобы заглянуть в складки разнообразных «кочанов», где вертелось особенно много рыб. Или изгибалась, лежа на боку, чтобы пролезть в щель между скалами рифа.

Я наконец-то осознала, что у меня есть возможность двигаться не только вперед-назад и вправо-влево, но еще и вверх-вниз, и с радостью исследовала внезапно обнаруженную способность. Глубина не больше двенадцати метров позволяла не беспокоиться об идеально ровном профиле погружения, и я купалась в лучах солнца, просвечивающих через природные арки в высоких стенах естественного дворца из десятков комнат.

Равнодушные рыб, продолжавших заниматься своими делами, меня только радовало. Вдруг вспомнилась строчка из романа о китайской императрице Цыси: «Птицы садились ей на руки, а звери выходили из чащи деревьев ей навстречу».

Мои любимые красные рыбки, удивительно напоминающие те создания, что разводят в аквариумах, называя «золотыми», весело кружили вокруг меня, лишь слегка отодвигаясь, чтобы дать мне дорогу.

Как приятно остаться наконец наедине с Морем, - умиротворенно думала я, едва шевеля плавниками вокруг очередной заковыристой коралловой шишки, - Виталий не в счет, он

настолько органично вписывается в среду, что не воспринимается здесь чем-то чужеродным.

Мне вдруг захотелось распустить плотно собранные в хвост волосы и позволить им расправиться в потоках легкого течения. Я почти потянулась к заколке, но вспомнила про маску. Затылочный ремень не даст волосам рассыпаться так, как мне хотелось, а расставаться с маской я все-таки пока не была готова. Ничего, в следующий раз решусь, - уговорила себя я, продолжая впитывать благодатное уединение, пока мне не показалось, что ласты идут как-то необычно тяжело.

Обернувшись, чтобы посмотреть что случилось, я увидела, что замечтавшись, перегородила неширокий проход между шишками. Вовчик деликатно держал меня за обе ласты, предлагая либо продвинуться вперед, либо сдать назад. За ним уже выстроилась очередь из остальных шести человек, желающих продолжить осмотр подводного дворца. Я освободила дорогу, невольно поморщившись. Вова с Игорем плавали пусть не так рыбоподобно, как Виталий, но они не нарушали общей гармонии. Скорее, напоминали двух больших крокодилов, не столь изящных как крылатки, но все же достаточно свободно себя чувствующих в воде. Что касается остальных... Неестественно угловатыми движениями и сбивчивым дыханием они создавали напряженное возмущение пространства, ломая невидимые глазу силовые линии. Ощущалось это так же неприятно, как гогочущие школьники в прохладно-торжественных залах Эрмитажа.

Когда в наших баллонах осталось по пятьдесят бар, Вовчик с Игорем выпустили на поверхность оранжевую колбасу сигнального буя, давая знак яхте, что мы готовы вернуться на борт.

Постепенно двигаясь от рифа в открытое море, мы вынырнули недалеко от корабля. С борта нам кинули «морковку» - веревку с буйком на конце, перебирая руками по которой, мы подтянули себя к корме, где уже были спущены две лестницы. Помучиться о том, как я буду подниматься по ней груженная снаряжением, я не успела. Два арабских парня из команды яхты лихо выдернули меня на корму за вентиль баллона.

Сняв акваланг, еще в гидрокостюме, Виталий протянул мне руку для рукопожатия.

- Вот ты и стала настоящим дайвером, - радостно произнес он, крепко сжимая мне кисть.

- Почему ты так думаешь? – я была рада комплименту, но хотела подробностей. Ибо почему-то всегда складывается так, что о моих недостатках говорят детально и распространенно, а успехи просто обозначают как свершившийся факт.

- Я видел, как ты двигаешься. – В подробности Виталий вдаваться не собирался. – Мне вообще не нужно с человеком «чек-дайв» делать, чтобы узнать, что он может под водой. Мне достаточно посмотреть, как он акваланг собирает, чтобы все было понятно.

Вечером мы с Вовчиком и Игорем пригласили самого общительного парня из арабов, работавших в «нашем» ресторанчике, выпить с нами по баночке пива.

- Я сам дайв-инструктор, просто мне больше нравится работать на кухне, - говорил симпатичный молодой Мухаммед по прозвищу Нэт. - Я погружался с французскими мастерами, с английскими, с польскими, с немецкими. И с русскими тоже. Поверьте мне, Виталий – лучше всех.

Когда настал момент собирать вещи в дорогу домой, я спросила Виталия, можно ли мне оставить у него в дайв-центре купленное мною снаряжение. Тащить все свои причиндалы в московскую тесную нору не хотелось. Пусть остаются в Дахабе, им здесь явно будет лучше.

- Конечно можно! – согласился инструктор. – Только если ты потом захочешь поехать куда-нибудь еще, мне будет сложно быстро переслать тебе твои вещи.

- Виталий, я думала две недели, и теперь я точно знаю, что никуда в другое место я ехать не захочу. Скажи мне, что может быть лучше Красного моря? Может быть, я бы еще

съездила туда, где растут те длинные водоросли, которые часто по телевизору показывают в сюжетах о дайвинге. Но это точно не в ближайшее время.

- Они в Малазии растут, - смущенно уточнил Виталий.

- Это точно будет нескоро, - улыбнулась я. – Я не видела Кейвз, я не была на Айлендз, и сад угрей тоже остался в этот раз без меня.

- Если хочешь, я могу закрыть тебе курс Advance без отработки навыка «навигация по компасу», ведь ты делала это с Алексеем в Москве.

- Не надо. Я вернусь, и мы сделаем навигацию, и еще одно ночное погружение, и вообще, Вит, я такая липучая, ты даже представить себе не можешь. Я душу из тебя вытяну в следующий раз.

- Тогда споемся, как соберешься.

По диванам в ресторанчике на длинных и тонких ногах ходил серьезный кот-Азот. Подросшие щенки Молли возились во дворе, весело подтягивая. Под навесом на японской части территории Йоши собрал полукругом очередную порцию новичков. У комнатки с надписью «ресепшн» гомонила придурковатая американская молодежь. Обшарпанный микроавтобус стоял во дворе, готовый вести нас в аэропорт. Под протяжный крик муэдзина, созывающего правоверных мусульман на молитву, мы выехали на шоссе, ведущее в Шарм-Эль-Шейх.

24 августа 2012 года

Москва

Продолжение следует...